

«свобода», «суверенитет», «ислам», «независимость», «нация», «борьба за...» и т.д. Они читаются и раскрываются через термины «политика», «геополитика», «власть», «экстремизм», «деньги», «нефть», «война», «оружие» и т.д.

В заключение настоятельно рекомендуем заинтересованному читателю прочесть в продолжение темы интереснейшую статью В.А. Тишкова «Слова и образы в Чеченской войне» («Независимая газета». 10 декабря 2000 г., № 11).

Я.З. Ахмадов

© 2001 г., ЭО, № 6

А.Г. Булатова. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999. 286 с.

Выход в свет очередной монографии выдающегося ученого Ангары Гамидовны Булатовой, посвятившей всю свою жизнь этнографическому кавказоведению, несомненно заметное явление в отечественной науке.

В книге даны детальное описание и объективный анализ старинных календарей и календарных обычаев, обрядов, праздников у аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев, агулов, рутульцев, цахуров, кумыков, ногайцев в XIX – начале XX в.

Календарно-праздничная культура народов Дагестана занимала особое место в сфере научных интересов автора. Различные аспекты этой темы освещаются во многих публикациях А.Г. Булатовой*.

Рецензируемая монография – плод самозабвенного труда автора, по крупицам собиравшего обширный фактический материал во время многолетних полевых наблюдений. Ценность сведений, представленных в работе, очевидна, поскольку календарные обычаи и обряды, составляющие «весомую часть культурного наследия» (с. 7), сегодня находятся на грани исчезновения.

Изучение народного календаря, особенно в связи с хозяйственной деятельностью, как справедливо подчеркивается во Введении, имеет большое значение для решения вопросов, связанных с этнокультурной историей народа.

Первая глава «Традиционные календари народов Дагестана», разделенная на 10 параграфов, рассказывает о различных способах исчисления времени и особенностях календарных систем, бытовавших в Дагестане в исследуемый период. Автор приходит к выводу о том, что лунно-солнечный календарь использовали в регионе с древнейших времен. Арабский лунный календарь был привнесен в Дагестан в период утверждения ислама. А.Г. Булатова отмечает, что знали его главным образом только служители культа, которые сообщали односельчанам о дне наступления соответствующих дат (с. 17). Тюркско-монгольский календарь двенадцатилетнего животного цикла бытовал у кумыков и ногайцев. Владевшие арабским языком его хорошо знали и умели в нем ориентироваться, но большинство населения разбиралось в нем значительно хуже. Причину слабого знакомства местных жителей как с тюркско-монгольским, так и с арабским календарями А.Г. Булатова видит в том, что они не имели практического значения в трудовой деятельности людей.

Кроме вышеупомянутых календарей автор обнаружила в горном Дагестане, в даргинском селении Мурчук пережитки весьма любопытной календарной системы, построенной на наблюдении за сменой звезд и созвездий на части видимой небесной сферы. Согласно этой системе, год равняется 365 суткам, отличаясь от истинного солнечного года лишь на 1/4 суток.

У ахвахцев в прошлом существовал календарь, в котором отдельные периоды года названы частями человеческого тела и параллельно им даны названия полевых работ или характеристика погоды; например, колено – девять дней, холодно; бедро – семь дней, период ветров, вывоз навоза на поля и т.д. Подобная система обнаружена исследователями только в некоторых областях Таджикистана. Вопрос о существовании какой-либо связи между ними остается открытым.

* См.: Список основных работ доктора исторических наук А.Г. Булатовой // Этнограф. обозрение. 1999. № 6. С. 150–152.

Значительное развитие у всех народов Дагестана в прошлом получил фенологический календарь, основанный на смене явлений природы в различные времена года, а также в отдельные периоды тех или иных времен года. Например, у рутульцев началом лета считалось время цветения шиповника, началом зимы – выпадение снега; о начале лета агулы говорили: «солнце пришло с цветами», о начале зимы – «солнце ушло со снегом (льдом)». (с. 22). А у табасаранцев каждое время года имело фенологическое наименование: весна – время дождей и цветов, лето – время солнца, осень – пора дождей, зима – время стужи.

Забывая о сохранности урожая и скота, о здоровье человека, народ очень тонко подмечал все изменения в природе, колебания погоды. Так, аварцы переломный холодный период зимы с 22 января по 22 февраля звали месяцем, в котором замерзает чеснок, который заморозить нелегко. А капризы этого месяца выразила пословица: «И чеснок замерзает, и лёд тает» (с. 25).

Особо опасный период между зимой и весной выделяли все народы Дагестана. Народная мудрость гласила: «Корм для скота надо растянуть до устойчивых теплых дней, чтоб он не погиб, как у глухой старухи Ажюжи» (лакское поверье) (с. 24).

Автор приводит много примеров из жизни народа, так или иначе регламентируемой изменениями, происходящими в природе, и приходит к выводу, что именно фенологический календарь был тесно связан с трудовой деятельностью людей, с нуждами хозяйства. В более полном объеме он сохранился у лезгин и табасаранцев.

У даргинцев и лакцев сельскохозяйственный календарь был ориентирован на Сириус, с временем появления которого связывались все основные хозяйственные работы летнего и осеннего периодов. Автор расценивает это как пережитки сотического календаря, которым пользовались жители Древнего Египта. Обращает на себя внимание фонетическая близость названия звезды Сириус в некоторых дагестанских языках – Ттурши с древнеперсидским названием Сириуса – Тиштрия, а также с именем вайнахской богини плодородия Тушоли.

Отдельные параграфы А.Г. Булатова выделяет для рассмотрения системы отсчета времени по хозяйственным работам (на примере хозяйственного календаря багвалинцев) и географическим меткам для отсчета времени.

Интересные данные автор приводит о недельном отсчете времени, отмечая, что наряду с семидневной неделей в Дагестане встречались случаи бытования восьмидневной недели (даргинцы, лакцы, агулы), девятидневной – у части аварцев, даргинцев, рутульцев и цахуров, тринадцатидневной – в некоторых лакских селениях. Любопытно и отношение к различным дням недели у исследуемых народов.

Сутки ни у одного из народов не имели своего названия, а понятие суток передавалось описательно, как состоящее из дня и ночи, при этом началом суток считался вечер, время после захода солнца.

Астрономические знания народов Дагестана носили сугубо практический характер. Главными сезонами и хозяйственными ориентирами были созвездия Ориона и Плеяд, названные автором «созвездиями земледельцев», а для даргинцев, лакцев, кумыков, агулов, табасаранцев – Сириус. Автор отмечает, что и восприятие звезд было связано с характером деятельности людей, ведь только исконные земледельцы могли в созвездии Ориона увидеть ярмо быка, а в ковше Большой Медведицы – плуг с ярмом.

Заключительный параграф первой главы посвящен погодным приметам, дальним и ближним метеорологическим прогнозам. Это поистине энциклопедия народной фантазии, мудрости, почерпнутой из кладезя природы.

Во всех описаниях календарей, примет, наблюдений за природой, движением небесных светил, приведенных автором, поражает нерасторжимое слияние практического ума народа и тонкого эстетического восприятия мира.

Во второй главе – «Календарные обычаи и обряды народов Дагестана» – последовательно рассматривается весенний, весенне-летний, летний, летне-осенний и зимний периоды календаря. Некоторые материалы этого раздела опубликованы ранее в уже ставшей классической монографии А.Г. Булатовой «Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана» (Л., 1988), положившей начало новому направлению в современном этнографическом дагестановедении. Автор возвращается к этой теме с новой яркой информацией, дополненной к тому же сведениями о календарных обычаях и обрядах кумыков и ногайцев.

Перед читателем предстает колоритная картина жизни народов, постигающих мудрость природы и стремящихся жить в согласии с ее законами.

Весенний период сельскохозяйственного календаря, один из самых важных в жизни крестьянина, наиболее насыщен обрядовыми действиями, связанными с двумя основными праздниками, которыми отме-

чался приход весны в Дагестане – Наврузом и праздником первой борозды. А.Г. Булатова показывает границы бытования праздника начала весны, который в более древней форме сохранился у лезгин, народов лезгинской группы, лакцев.

Лето – менее напряженное время для жителей региона. Смысл летних обрядов заключался в активизации «плодотворного начала в природе» (с. 260). А.Г. Булатова различает две их разновидности: 1) повторяющиеся ежегодно в один и тот же период времени (например, праздники цветов, трав, черешни, глины и т.п.); 2) необязательные, совершаемые только по необходимости (обряды вызывания дождя и солнца; действия, направленные на защиту от неблагоприятных стихий). Анализируя сценарий праздников цветов, трав и сопровождающие их обычаи и обряды, автор усматривает в них отражение архаических форм организации человеческого общества – реликты женских объединений, существование которых в далеком прошлом могло породить легенды об амазонках в горах Дагестана.

Зимний период, замыкающий годовой цикл, был заполнен главным образом «спокойным, размеренным трудом и нехитрыми развлечениями и отдыхом после напряженного хозяйственного года и перед началом следующего» (с. 274).

В Заключении А.Г. Булатова говорит о том, что наличие одних и тех же годовых и сезонных праздников и обрядов у большинства народов Дагестана, общность их основных компонентов свидетельствуют о генетической близости культурных традиций.

Подводя итог вышесказанному, справедливо будет отметить, что монография А.Г. Булатовой – достойный вклад в этнографическую науку. Рецензируемую работу характеризуют не только наличие разнообразных полевых этнографических материалов, но и современный уровень их культурно-исторической интерпретации, что делает ее, с одной стороны, серьезным профессиональным исследованием, с другой – обеспечивает ей в будущем роль богатейшего источника.

Имя Ангары Гамидовны Булатовой навсегда останется в истории кавказоведения как пример вдохновенного служения науке.

Л.Б. Заседателева, З.У. Махмудова